

Другой памятник греческой историографии — история Пелопоннесской войны Фукидида³. Это произведение носит печать высокого <политического> развития автора; ни один из историков греческих не имел такого призвания рассказать поэтическую жизнь Греции; но он, увлеченный чувством национальности, которое подавляло идею общечеловечества, ограничивается одной Грецией.

Между тем наука, всегда имевшая влияние на историю, несмотря на старания многих историков освободиться от него, философия, говорю я, шла своим путем развития. Извлекая из всех явлений законы общие, подводя их к началам коренным и никогда не довольствуясь отдельностью фактов, она должна была идти наперекор понятиям греческих национальных историков. Самым процессом восхождения от частного до общего она должна была довести до понятия о всеобщей истории. Но философия, высказывая эти высокие идеи, обнаружила поздно свое влияние в Греции, уже при упадке греческой литературы, на писателях второстепенных V и IV вв. до р. Х. Чтобы показать, до какой степени греки были далеки от понимания всеобщей истории, достаточно указать на прекрасное произведение греческой философии — о политике⁴, в котором Аристотель глубоко исследует все формы правления ему современных народов; в начале этого рассуждения он делит все народы на две части и говорит, что одним суждено повелевать, другим — повиноваться. Первые — это греки, другие — все варвары. Результатом этой односторонности было непонимание отдельных национальностей Востока, хотя также односторонних, но оригинальных.

Я сказал, что в некоторых явлениях в исторической греческой литературе отразилось влияние философии. К этому числу принадлежит История Полибия⁵. Обладая великим прагматическим талантом, хотя уже в этом отношении стоя ниже Геродота и Фукидида, он хотел возвыситься над историей национальной, он хотел написать историю всеобщую. Он высказал мысль, что история отдельных наций не может быть названа историей в собственном смысле, [как] по отдельным частям тела нельзя еще увидеть красоты всего тела; но <историк должен> иметь в виду ту цель, которую имеют все народы. Но какая была цель всех народов? На это дает ответ его [Полибия] история; он полагает крайней целью ему современных народов — подчинение римской власти. Цель совершенно внешняя, не могущая несколько просветить историю.

Другой историк греческий Диодор Сицилийский тоже имел целью привести в единство истории отдельных национальностей; в начале своего сочинения «Всеобщая история» он говорит, что всемирную^а историю^б надобно рассказывать как историю одного человека^в. Задача великая, но несколько не решенная! Его история

^{а-в} С I: историю целого человечества (л. 2 об.).